

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

[00:00:00] (Начало записи)

Ольга Александрова: Коллеги, мы рады вас приветствовать на вашей конференции, которая получила название «Пять лет реформе социальной сферы: итоги». Проводят ее совместно два академических института: Институт экономики РАН и Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. Представляю вам своего сомодератора Ирину Викторовну Соболеву, доктора экономических наук, заведующую Центром политики занятости социально-трудовых отношений Института экономики РАН.

Аннотацию нашего круглого стола вы могли прочитать на сайте, где она выложена, а вопросы, которые мы предлагали для обсуждения, на сайт не попали, поэтому я хотела бы совсем коротко сказать, на чем мы просили бы в той или иной степени остановиться или как-то откликнуться наших спикеров.

Отказ от социальных благ и переход к социальным услугам. С чем это связано? К чему он приводит? Кто является главным интересантом реализуемой реформы социальной сферы: общество, бизнес, государство? Подтвердились ли опасения, которые высказывались на этапе принятия закона № 83, печально знаменитого? Кто выиграл, кто проиграл от этой реформы? Как повлияла нынешняя радикальная реформа социальной сферы на доступность и качество того, что переименовали в социальные услуги? Содействует ли она решению демографических проблем? Позволяет ли она обеспечить экономику квалифицированными, не шаблонно мыслящими кадрами?

Поскольку к бюджетной сфере относится и наука, а наука сегодня – это еще один из факторов, которые могут через интеллектуальную ренту позволять государству, обществу иметь перспективы устойчивого развития, что происходит с реформированием науки? Насколько эта реформа позволяет ей развиваться и решать совместно с государством, бизнесом стоящие перед нами проблемы?

Какие мы видим вызовы современному государству? Как на эти вызовы отвечают, с одной стороны, Россия, с другой стороны, страны, которые являются признанными лидерами с точки зрения социального развития? В конце все это должно привести к тому, что как-то мы должны определиться, какими должны быть исходные постулаты социальной доктрины государства, которое ставит перед собой задачу устойчивого и долгосрочного развития.

Хочу предложить первое слово доктору философских наук, профессору, главному научному сотруднику Института философии РАН, Федотовой Валентине Гавриловне. Валентина Гавриловна долгое время заведовала сектором социальной философии. Она автор многих книг, в том числе такой знаменитой книги, как «Хорошее общество».

Валентина Федотова: Дорогие коллеги, спасибо за то, что предоставили мне слово. Я постараюсь высказать свое мнение и мнение моих коллег по поводу проведения реформ

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

в социальной сфере, которая осуществляется довольно продолжительное время – с 2012 года.

[00:05:00]

Проведение реформы отвечает запросу общества, но бывают ситуации, когда общество еще не готово к тому, чтобы реформы были объявлены. И если оно недостаточно зрелое, то государство само ставит проблемы реформ и построение гражданского общества. Так произошло в нашей стране, когда со стороны Путина прозвучала тема гражданского общества, и прозвучала она довольно четко. Несмотря на то, что у нас не было еще необходимых предпосылок, Путин понимал, что вместе с гражданским обществом вырастает ограничитель, который будет действовать на государство.

Проблема взаимодействия государства и общества, реализация реформ состоит в том, что государство предлагает реформы для общества, но при этом оно должно включить представителей целевых групп в процесс принятия решений, в ходе обсуждений. Если обсуждаются проблемы детей-сирот, то речь должна идти о присутствии тех, кто занимается этой проблемой, и учета их позиций; если об Академии наук, то относительно сообщества ученых, которое работает в Академии наук, в вузовской науке, задач науки. Вызревание гражданского общества начинает быть заметно при этом участии, ибо без него принимаются директивные, и нередко кратковременные, краткосрочные решения, которые постоянно меняются и приводят к целой серии реформ.

Например, пенсионная реформа. Каждый человек, родившийся после 1967 года уже пережил три пенсионные реформы. Он до сих пор не знает, как будет обеспечена его старость. Он не может получить ответ на этот вопрос, хотя можно найти в интернете такие слова, что мы приехали в Словакию из России, и мы знаем, что мы будем иметь в старости, что эти реформы осуществлены и готовы. Этот низкий горизонт планирования, который часто создает реформирование еще до того, как поняты его задачи, очень сильно вредит и не помогает общему процессу реформирования. Равно как количество участников организаций и персон, которые занимаются жалобами населения, чаще всего превращающимся в волокиту, проблема кадрового резерва – все это глубоко стоит перед нами.

Я обращаюсь как ученая к проблеме Академии наук, и ее реформирования прежде всего, в связи с тем, в какой ситуации мы сейчас находимся. Дело в том, что наука – это специфическая форма деятельности, которая регулируется не только практическими задачами и целями общества, но также и академической науки, задачами внутринаучными, которые впоследствии могут давать невероятно огромный результат и для общества в целом, и нуждается в определенной творческой свободе, которая необходима для того, чтобы найти эти задачи, решить их или показать пути к его решению.

Первоначально было очень четкое разделение на прикладные и фундаментальные науки, но постепенно, в ходе технологического применения фундаментальных наук, ситуация

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

изменилась. И даже в конце 70-х годов в Германии появилась школа, которая называлась «Штарнбергской группой», которая считала, что управление наукой с 70-х годов становится внешней целью, и должно отвечать совокупности общественных интересов. Это была такая социологическая трактовка науки, когда считали, что надо заниматься проблемой рака, проблемой окружающей среды, и другими такими прямо актуальными проблемами, а не идти на поводу у внутринаучных процессов.

Эта концепция была признана ошибочной или отвечающей, скорее, периоду организованного модерна той эпохи (70-х годов XX века), в то время, как последующие реформы были восприняты научным сообществом с сомнением.

[00:10:01]

Так реформа 2013 года дала некоторый позитивный результат, но она было характерна для видения, похожего на эту немецкую школу, которая считала, что наука концентрирует в себе социальные процессы, социальные структуры, социальные цели, и с позиции этих социальных целей она должна быть перереформирована.

В Институте философии, как академическом институте, мы очень остро ощутили эти проблемы появлением более актуальных, более злободневных тем, и структурными изменениями, при которых были введены возрастные цензы на занятие должностей административных, возрастные цензы на прием новых аспирантов или новых сотрудников. Например, сейчас у нас в секторе существует молодой заведующий, который выполняет управленческие функции. Он управляет великолепно и достаточно много знает, он очень энергичен. У нас все время планирования, и мы знаем все, что мы будем делать до Нового года. Возможно, это подлежит исправлению. У нас пришло очень много молодежи со статусом кандидатов на занятие научных должностей, которые еще будут доказывать свое соответствие этому статусу. Они работают, может быть, иногда даже в других направления, а не в направлении социальной философии, в которой занят наш сектор.

Мы на одном из заседаний уже обсуждали Хирш всемогущий. Хотя мой Хирш 35, и он законно получен, но эта характеристика не является такой уж полезной для развития науки, потому что она может говорить о людях, которые просто могут наращивать себе Хирш, как наращивают китайцы, прося друзей по всему миру цитировать.

Реформа во многом продолжает оставаться экспериментальной площадкой, так как нет ответа на вопрос: какое общество мы хотим построить. В книге своей «Хорошее общество» я нарисовала некоторый сценарий этого процесса, и хочу обратить внимание, в какой мере на Западе, по крайней мере в Америке, считается необходимым такое долгосрочное планирование на время президентства нового президента. Это так называемый доклад Разведывательного сообщества США, который всегда выпускается к новому президентству. Сейчас он называется «Парадоксы прогресса». Он пытается объяснить мировую ситуацию и задачи США. Мне кажется, что мы должны иметь

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

обобщающий документ, в котором наше планирование было бы ориентировано на какую-то программу правительства, опубликованную им на ближайшие годы. Спасибо!

Ольга Александрова: Спасибо. Коллеги, я приглашаю выступить Александру Александровну Ждановскую.

(Технический разговор.)(00:14:13-00:15:57)

[00:15:57]

Александра Ждановская: Добрый день. Я хотела бы обратить ваше внимание на связь реформ, которые происходят в сфере образования, здравоохранения, пенсионной реформ, а также других, с влиянием международных финансовых институтов. В частности, это происходит под давлением Международного валютного фонда, который требует рестриктивной бюджетной политики, коммерциализации и так далее. Если кому-то интересна эта тема подробнее, у меня вышли книги в издательстве URSS «Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО?».

Сегодня я хотела бы более подробно остановиться именно на влиянии соглашения ГАТС ВТО. Мне кажется, мало осознается, что ВТО как-то соотносится вообще с социальным государством. Мой тезис, который я хотела бы проиллюстрировать и показать в том, что ГАТС и ВТО являются отказом от социального государства. В западной литературе, немецкой, англоязычной литературе есть много на эту тему, с чем я хотела бы вас и познакомить сегодня.

ГАТС – соглашение по торговле услугами. Тут мы опять сталкиваемся с нашей проблематикой: чем является социальное государство, чем является образование, здравоохранение – это услуги или права? Если это услуги, вопрос: на каких условиях они оказываются, кому-то оказываются, кому-то не оказываются. Мы видим, что ГАТС (соглашение по услугам) относят к соглашению ВТО. Что входит в ГАТС? Кроме туризма, строительства, бизнеса, туда входят образование, здравоохранение, медицина, водоснабжение, природные ресурсы (касается России) и многие другие тоже области.

Что требует ГАТС? ГАТС требует постоянной либерализации, то есть постоянного открытия этих областей, сфер для доступа международного бизнеса, то есть они рассматриваются как рынки. Это рынки, и тут есть разные формы присутствия (например, коммерческое присутствие – поставки услуг).

Какие основные правила ГАТС? Если какая-то сфера открывается, то она должна открыться для всех стран. Нельзя вводить ограничения участия иностранного капитала, например, в собственности. Иностранные фирмы приравниваются в правах с национальными фирмами. Мы видим, к чему это может приводить. Нами не осознается, может быть, и кажется диким, но в соглашении ГАТС есть такие пункты, что иностранные частные компании в сфере здравоохранения могут также требовать предоставления им субсидий, несмотря на то, что их задача отличается от государственных учреждений.

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

Государственные институты и университеты обязаны государством предоставлять всем медицинские услуги или образовательные услуги.

[00:20:14]

Если будет идти речь о предоставлении их частными компаниями, то как показывает опыт в других странах, где была проведена коммерциализация, доступ к общественным благам сократится.

Есть очень такой хитрый пункт – внутригосударственное регулирование в ГАТС, который предусматривает, что регулирование какой-то сферы в образовании, здравоохранении и так далее, должно быть не более обременительно, чем необходимо. Вопрос: кто определяет это «необходимо»? Тут возникает проблема в том, что если раньше социальное государство являлось вопросом национального суверенитета, то есть люди теоретически в парламенте могут выработать стратегии развития своего социального государства, то теперь происходит следующая ситуация: в соответствии с соглашением ГАТС все эти вопросы становятся вопросами международных переговоров. То есть одна сторона может выдвинуть другой стороне в соответствии с ГАТС требования о раскрытии какой-то сферы, доступа туда, коммерциализации каких-то областей. Получается, что решения, которые раньше должны были приниматься демократически населением, теперь принимаются или переговоры происходят между министерствами торговли, то есть относятся к совершенно другой области.

Есть такой тест – проверка необходимости для национальных законов. По соглашению ГАТС ВТО будет проверять наши – может быть, уже проверяет – национальные законы, в частности в сфере образования, здравоохранения и так далее, на необходимость. Вопрос: в чьих интересах, и кто будет сидеть в комиссии? Заниматься этим будет комиссия ГАТС по урегулированию споров. Мы видим, что социальные, экологические, трудовые права, права потребителей перемещаются в другую область принятия решений. Эти вопросы, не более обременительно, чем необходимо, будут рассматриваться перед судом ВТО. Сейчас идут переговоры как раз по внутригосударственному урегулированию, где все эти пункты включены.

Когда Россия вступала в ВТО, у меня была возможность пообщаться с экспертом в этой области **Элен Голт**, у которой есть публикации по Канаде. Она сказала, что перед судом ВТО пока было несколько судебных процессов, касающихся услуг, но как только переговоры о внутригосударственном урегулировании вступят в силу, то начнутся иски перед судом ВТО и по секторам услуг. Это все прописано, но не хватает принятия законов – может быть, они и были уже приняты, пока я не отслеживала. По этому поводу Министерство торговли США говорит, что Россию можно будет заставить соблюдать обязательства по услугам – прямо прямым текстом – посредством суда ВТО.

Основной принцип, который, к сожалению, не всеми был осознан при вступлении России в ВТО и принятия соглашения ГАТС, – это то, что в этом соглашении есть принцип непрерывной либерализации. Что это значит? С одной стороны, Россия, вступая в ВТО, по

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

услугам подписывала специальное соглашение. С другой стороны, там в каких-то областях было прописано: допустим, образование сейчас открываем на столько-то, на столько-то закрываем; в здравоохранении какие-то сферы пока у нас закрыты, куда-то мы не пускаем – допустим, не пускаем международных инвесторов, мы еще не **коммерциализуем** (00:24:34) эти сферы. К сожалению, мне тогда не удалось донести, что проблема в том, что мы обязаны как страна - член ВТО будет проводить непрерывную либерализацию. Мы не можем сказать, что мы остановимся на этом. Это было не условием нашего вступления: мы вошли, мы закрыли эти сферы и дальше не идем, а это был начальный пункт. Дальше другие страны будут требовать от нас открытия этих областей, и не открывать их будет невозможно.

Есть и другие неприятные пункты. Отказаться от либерализации можно через три года при условии компенсации.

[00:24:57]

На мой взгляд, это касается суверенитета страны, а если мы решили, например, изменить нашу социальную политику, тогда без выплаты компенсации международным инвесторам мы изменить ее уже не можем. Есть также пункт прозрачности, что мы должны информировать про все наши законы. Понятно, для чего – чтобы их смотрели на совместимость и непротиворечивость. Переговоры происходят так, что мы предлагаем то, что мы готовы открыть, от нас требуют то, что мы готовы открыть. В интернете есть документы этих требований, но эти документы не публикуются. Документ, что вы видите выше, случайно стал доступен прессе. Здесь написано «Документ с ограниченным доступом», то есть это не только не обсуждается в Парламенте, но и не доступно людям.

Ирина Соболева: Как другие страны в этой ситуации справляются? Есть же Скандинавия, есть европейские страны, где социальная сфера не так либерализована, как уже сейчас у нас, но тем не менее живут.

Александра Ждановская: Если они не хотят образование открыть, от них могут потребовать открыть какой-то другой сектор, то есть это вопрос переговоров. Мне кажется, что это вопрос соотношения политических сил, то есть тут уже все зависит от национального правительства. Понятно, что на него давят, но какие сферы оно будет открывать, и насколько, и насколько общество давит на свое правительство, но все зависит от него.

Ольга Александрова: Я не могу не отреагировать на вопрос своего сомодератора и сказать, что все очень зависит от силы социума и государства, как формы самоорганизации этого социума, потому что мало кто знает, но скандинавские авторы поэтому нередко обращают внимание на ряд мифов, которые на самом деле мифы, а не реальность, что в Швеции, Дании очень маленький сектор государственной собственности. Они гораздо более частнокапиталистические, чем Франция, Германия и так далее. Более того, в Швеции очень монополизированный капитал: там несколько семей по-прежнему владеют всем промышленным сектором. Общество в силу

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

исторической социальной эволюции столь сильно, что может поставить под социальный контроль то, что ему важно хотя глобализацию разъедают эти возможности даже у самых сильных социумов, не говоря о слабых.

Ирина Соболева: Наверное, у нас все выступления будут звучать рефреном, потому что речь идет о либерализации социальной сферы и либерализации социальной политики. Чуть-чуть обобщу тот статус-кво, на котором мы сейчас находимся. Ситуация сейчас очень противоречива. Она значительно более противоречива, чем это было в начале 90-х годов, когда существовал консенсус сверху, что нужно затянуть пояса, и социальные вопросы отложить в силу ограниченности ресурсов. С одной стороны, сегодня совершенно другая риторика, то есть только ленивый не говорит о том, что нужны социальные инвестиции, нужно решать социальные проблемы, и нужно вкладывать в человеческий капитал (не в человеческий потенциал), потому что рыночная схема решения всех вопросов уже прочно засела в мозгах не только у представителей властных структур, но и у представителей научного сообщества, к сожалению.

[00:30:04]

При этом даже те не либералы, с чьего посыла социальные инвестиции были урезаны, сегодня почти кричат, что этих инвестиций недостаточно, нужно больше государственных вложений в образование, нужно больше государственных вложений в здравоохранение. Противоречие состоит в том, что хотя с либеральной стороны идет эта риторика, практика социальной политики идет ровно в противоположном направлении.

Идет активизация дискуссий. Активизировалась, к счастью, и социал-демократическое крыло, которое считает, что существует и коллективная, и государственная ответственность за благосостояние человека, но лидирующей линией, которая лучше всего лоббируется, идет упор на то, что человек должен за себя отвечать сам. К чему это все привело на практике? Далее идет следующее противоречие. Если мы посмотрим те ключевые вызовы, которые сейчас стоят перед социальной политикой, то увидим, что первый вызов – это рост нестабильности положения работающего населения. Как только наступает кризис, зарплата падает больше, чем доходы. Что это означает: прибыли в кризис не растут, как и предпринимательские доходы, а растут трансферты. Реальная ситуация вступает в противоречие с той логикой, которая была декларирована реформами: человек должен отвечать сам, но на практике получается, что растут трансферты, и человек не может сам отвечать, потому что зарплата очень низкая.

Что у нас происходит от того, что очень низкие зарплаты? И у населения, и у власти гипертрофированный интерес к проблеме повышения дохода. По данным комплексного наблюдения условий жизни населения, люди, когда их спрашивают, они недовольны прежде всего заработной платой – удовлетворенность очень низкая, а все остальное их устраивает просто потому, что им некогда думать. Вы видите, что здесь положительная динамика, потому что тут с 2011 по 2014 года, а сейчас третий раунд в 2016 году прошел, данных еще нет, но какими они будут, представить очень просто. Даже когда мы

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

начинаем спрашивать конкретно, 75 % говорят, что условия труда их устраивают. Они вполне удовлетворены, а дальше несколько «не удовлетворены», которых не больше 1-2 %.

Когда спрашиваешь конкретно: «Вы работаете во вредных условиях?»: 25 % работают во вредных условиях, то есть постоянно испытывают воздействие вредных факторов, а не время от времени; столько же испытывают постоянное воздействие стресса; 15 % постоянно испытывают другие неудобства (холод сырость); три четверти довольны условиями труда. Это тоже со стороны населения. Если мы сравним Россию с другими странами приоритет гипертрофированный: высокий заработок, далее – стабильность. Заработок стоит на первом месте.

[00:34:59]

Весь остальной большой комплекс проблем, которые существуют в трудовой сфере, из поля зрения людей уходит. То же самое происходит, когда начинают решать проблемы сверху – с поля зрения властных структур. Да, знают, что зарплата низкая, значит надо повысить. А как повысить? За счет чего повысить? Учителям, врачам сделаем среднюю по региону. Какими средствами это достигается? Все мы прекрасно знаем, что лучше бы этого не было. Тем не менее идет такая линия.

Подводя итог, что настораживает сейчас – это процесс, который я условно называю монетизацией социальной сферы (по аналогии с монетизацией льгот, которую все помнят). Это характеризуется тем, что эта рыночная логика входит в плоть и кровь социальной политики в целом, растущая роль социальных трансфертов. Весь сложный комплекс проблем сферы труда заслонила зарплата. То же самое происходит и тогда, когда мы рассматриваем социальные отрасли. Отход от терминологии социальных услуг – это тоже монетизация, то есть понимание того, что не решаются проблемы потому, что у людей недостаточно денег или эрзаца денег, как подушевое финансирование. Если у каждого будет хватать денег для того, чтобы все купить, то все будет хорошо. Такой подход к социальной сфере идет сейчас.

Понятно, что такой подход к социальной сфере изначально закладывает неэффективное использование тех ресурсов, которые на эту социальную сферу выделяются, то есть происходит некий переворот того, что когда-то говорили либералы, что «неэффективно, потому что все у государства, а мы пустим рынок». Действительно, в какие-то сферы рынок пускать очень хорошо. Если мы посмотрим на то, как развивалась мобильная связь, мы увидим, что в мобильной связи рынок работает прекрасно. В здравоохранении, в образовании, в культуре рыночная конкуренция либо невозможна, либо возможна в очень ограниченных пределах просто в силу отраслевой специфики, в силу того, что потребитель не может оценить качество блага. Если вы получили какую-то услугу здравоохранения, вы не можете сказать, что произошло: вас эффективно вылечили или вас развели на деньги. Вы просто не компетентны. В данном случае потребитель не может выбирать лучшее.

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

Как нужно к этому относиться. Все эти подходы должны быть переведены с точностью до наоборот. Есть два равных блока социальной политики, которые являются ключевыми. Первый – блок достойной занятости или достойного труда. Не зарплата, а то что связано с тем, чтобы человек имел возможность реализоваться в труде, и в силу этого у него будет производительность труда, и в силу этого должна быть нормальная зарплата, если общество справедливо. Это просто другая сторона экономической политики. Тот, кто интересуется экономическими вопросами, будет смотреть с точки зрения производительности труда, социальщик смотрит с точки зрения человека, но, в принципе, это одно и то же.

То же самое относится к следующему блоку. Когда мы говорим о развитии социальных отраслей – но тут я не могу говорить подробно, потому что каждая из этих отраслей имеет свою специфику и требует собственных механизмов – какую бы из четырех основных отраслей мы не взяли – наука, образование, культура, здравоохранение – рыночные механизмы здесь могут быть где-то на обочине дороги в каких-то определенных некоторых местах. Это происходит по нескольким причинам. Эффективность научного сообщества кто может оценить? Только те, то там работает, только эксперты; в здравоохранении – то же самое. Второй блок – это блок социальных инвестиций, являющейся и социальной вещью, и экономической вещью, смотря с какой стороны посмотреть.

[00:39:59]

Если эти два блока работают, то третий – трансфертный блок – ужимается как шагреновая кожа, потому что все меньше и меньше становится людей, которые не могут опираться на себя или на те социальные инвестиции, которые связаны с вложениями в экономический рост, а не с трудной жизненной ситуацией. Он есть, он всегда будет, но в благополучных странах он становится все меньше и меньше, а социальная политика становится все более и более активной.

Эта схема идеальная. В ней существуют ресурсные ограничения, но мне понравилось, как на одном из форумов сказал академик Нигматулин, что дело не только в том, что мы можем сделать сейчас, в данный момент, а в том, какая задача, какая стратегия у нас засела в голове и у населения, и у руководителей. На перспективу засело совсем не то, что может привести к эффективному развитию страны. Спасибо!

Ольга Александрова: Спасибо, Ирина Викторовна. Коллеги, поскольку здесь уже была затронута проблематика здравоохранения, я хотела бы сейчас дать слово Григорьевой Наталье Сергеевне, можно сказать, хозяйке помещения почти. Она доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени Ломоносова. Около двух недель назад у нас прошла Грушинская конференция, и там была секция, связанная с прогнозом в рамках реформ. Там тоже был жесткий регламент, поэтому Наталья Сергеевна успела рассказать только о двух

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

парадоксах, но так интересно, что я с нетерпением ждала сегодняшнего дня, чтобы услышать про следующие парадоксы.

Наталья Григорьева: Насчет парадоксов не знаю, но попробую. Я представляю не только себя, но и Татьяну Владимировну Чубарову, с которой мы вместе готовили доклад, и вместе пишем многие книги, которые касаются политики и управления в сфере здравоохранения, демонстрируя сами собой междисциплинарный подход, потому что она экономист по образованию, а я по базовому образованию философ, но многие годы занимаюсь политикой и управлением, поэтому у нас такой сросшийся коллектив.

Мы делали проекты по вступлению России в ВТО, то есть о рисках, с которыми мы можем столкнуться. Все то, о чем сказала Александра Ждановская, мы очень хорошо прописали чуть ли не 10 лет тому назад. Ужасно обидно, что это было не учтено. Очень большое внимание к ответу на ваш вопрос мы уделяли тому, на каких условиях другие страны вступали в ВТО. Мы подробно анализировали, на каких условиях туда вступал Китай, а именно что они для себя выторговали в секторе здравоохранения. Они себе выторговали те самые условия, на которых можно вступить куда угодно.

Хочу обратить ваше внимание на вещи, которыми должны гордиться в истории здравоохранения и демонстрировать это другим странам. Это земская медицина, закон 1864 года, и фабричная медицина 1911-1912 года, хотя это закон 1886 года. Это те новации, которые принадлежат еще Российской Империи. Первая – это когда был предъявлен вариант медицинской помощи в сельской местности, предоставляемым земствам как органам местного самоуправления и за счет органа местного самоуправления. В условиях, когда мы сейчас видим вариант сокращения фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности, снижения доступности и качества медицинской помощи именно на селе, то есть там, где труднее справляться с доступом, с доступом территориальным прежде всего, и финансовым. Закон о земской медицине необходимо издавать, потому что одно из направлений этого закона, или действий в результате этого закона, что каждая сельская местность должна иметь свой маленький пунктик. Какой угодно, но там, где помощь могут оказать. И фабричная медицина, которая привязывала медицинскую помощь в натуральной форме, которая оказывалась на предприятии за счет предпринимателей, то есть таким образом формировалась ответственность работодателей за состояние здоровья работающего. То, чем занимается Татьяна Чубарова – социальная ответственность работодателей в рыночной экономике.

1917 год – ситуация выбора, потому что мы все время находимся в этой схеме, то есть нам выбирать страховую медицину или бюджетную медицину. В тот момент мы выбираем страховую. Очень мало кто помнит о том, что большевики до 1927 года были большими сторонниками страховой медицины, и именно ее внедряли, но она не пошла по одной простой причине, что она не решала тех задач, которые стояли перед государством.

[00:44:57]

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

Тогда и был совершен переход к государственной системе здравоохранения. И главная тенденция – это создание именно национальной службы здравоохранения. Медицинские службы в тот момент передавались больничным кассам, но все это было очень недолго, и в финале **рамбеды (00:45:14)** были закрыты, Фонд социального страхования был включен в государственный бюджет, и была создана модель Семашко, так ее называют во всем мире, – бесплатное оказание медицинских услуг государственными медицинскими учреждениями. Цель политики – это обеспечить равный доступ к медицинским услугам для всех категорий населения без какого-либо выбора.

Я не буду перечислять исторический опыт развития здравоохранения в советский период и все его достоинства. Более старшее поколение его помнит, как и те проблемы, которые существовали. В порядке картинки: диспансеризация детей в школах в середине 30-х годов. Даже в 50-х она повторялась, не так далеко это было. Я люблю эти плакатные снимки. Тезис, который был характерен для сельской местности: «Почет и уважение сельскому врачу», и замечательная фраза «Врач – друг народа». Этот порыв, даже приучение человека к тому, что ему должна быть оказана медицинская помощь, ему тоже очень был важен.

Нельзя отрицать того факта, что к концу 90-х годов, что реформы назрели, и опять мы находимся в ситуации выбора. У нас могла быть трансформация существующей советской системы, сохранение ее принципиальных элементов, что проделали британцы в 90-х годах. И разрушение существующей системы, создание некой новой, основанной на иных принципах, что и было сделано. Я не буду рассказывать про срочность реформ 1991 года, когда принимается закон об обязательном медицинском страховании, в тот момент, когда Россия находится еще в составе СССР, и когда республики Советского Союза, как говорится, ведом не ведают, слухом не слыхали о том, что они вдруг стали находиться в совершенно другой системе. Все республики находятся в системе государственной медицины, а системообразующая республика РСФСР своим законом уходит в страховую. И что делать в этой ситуации? Говоря современным языком, мы их «кинули».

Основной тезис, который пропагандировался, – это то, что медицинское страхование даст дополнительные деньги, но есть куча предупреждений, написано много работ по этому поводу, были проведены зарубежные исследования, и к тому времени они были очень хорошо известны, что в эпоху перехода коней на переправе не меняют, и дополнительные деньги страхование в переходных формах никогда не дает. Это было как аксиома, поэтому рассчитывать на это было бесполезно. Главный ориентир – успешная практика использования страхования в развитых странах, но мы забывали о том, что к этой модели страхования эти страны шли почти 100 лет, а мы хотели ее срочно взять, быстренько к нам привязать и сказать, что у нас тоже все получилось. Так не бывает. У нас есть другая книжка по опыту реформ здравоохранения в мире, которую мы давно сделали, где мы пытались все это объяснить.

Я скажу фразу, которую я всегда употребляю, особенно в своих зарубежных выступлениях, которая нас оправдывает в какой-то мере. Мы такие замечательные экспериментаторы,

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

потому что ни одна страна в мире не имеет опыта перехода от централизованного и планомерно управляемого общества к рыночному. Обратный опыт имеют очень многие, а этого опыта нет ни у кого: ни одна страна от планового хозяйства к рынку не переходила. Тут мы как новаторы. Мы умеем создавать себе сложные пути. Но когда мне говорят: «А вот у вас это не то, и то не так», я говорю: «Стоп, ребята! Может быть, у нас это не то и не так, но вы можете привести нам опыт? Поэтому нам ваши советы не годятся. Вы нам можете все, что угодно советовать. Вы можете сослаться на свой опыт в этом вопросе?» – «Нет, не можем» – «Тогда давайте вы помолчите, а я скажу то, что я думаю по этому поводу».

[00:50:00]

Теперь по поводу политики современных реформ: что мы измеряем, состояние здоровья населения, самой системы оказания медицинских услуг, оценка россиянами состояния своего здоровья и работы системы здравоохранения, и современные вызовы, которые мы видим. Вообще, у политики современных реформ задачи очень простые. Во-первых, это право на охрану здоровья, о котором мы постоянно говорим, и которое у нас в Конституции пока еще записано. Обеспечение возможности гражданам получить достойную медицинскую помощь, но ее нужно получить качественно и своевременно. Задачи очень простые. По крайней мере, они лежат на поверхности. Дальше идет ловушка.

Ловушка роста финансирования – мы создавали затратную модель. Мы с самого начала создавали затратную модель, и тут слово экономистам: они это хорошо скажут. В результате получались парадоксы: недостаток средств, но мы выбираем затратную модель, при этом экономия государственных средств, но мы не контролируем личные расходы. У нас личные расходы нигде фактически не учитываются, то есть сколько в конечном итоге мы тратим.

Насчет государственных расходов на здравоохранение. Вы видите эту замечательную цифру – 3,5. В 70-е годы Советского Союза мы имели 6,8, поэтому мы не то, что доросли, мы в два раза меньше имеем на сегодняшний день. По сравнению с развитыми странами это действительно практически в два раза меньше. Допустим, та же Япония, которая сейчас тратит на здравоохранение примерно советский вариант – 8,5, чей показатель один из самых низких среди развитых стран, но дальше отдельным текстом я могла бы рассказать, какое это здравоохранение.

Здесь табличка расходов на здравоохранении в России от ВВП в динамике, начиная с 95-го года, но я хочу обратить ваше внимание на рост частных расходов, которые возросли практически в два раза. Это не наша статистика, это Всемирная организация здравоохранения. Насчет численности врачей, я покажу просто картинки: численность падает; численность медицинских сестер – то же самое; число врачебных посещений на человека – последний год падает; число койко-дней в стационарах – тут мы молодцы: упали очень резко, и так далее.

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

По поводу кадров, о которых сегодня говорилось в самом первом докладе. Как кадр для науки, так кадр и для здравоохранения. У нас жесткий дефицит врачей в первичном звене. В результате оптимизации этот дефицит получился еще больше. У нас очень низкая доля врачей первого звена в сравнении с западными странами. Население, в основном, недоволено своим положением. Если мы сравниваем с исследованием Госкомстата 88-го года, уже не самого благополучного, 75 % рабочих и служащих и 83 % проживающих в сельской местности были удовлетворены работой учреждений здравоохранения.

Из зала: Это были, а сейчас как?

Наталья Григорьева: Это организация управления системой здравоохранения в России. На рубеже 2010-2012 годов у нас все базовые законы приняты по этому поводу, но здесь я отмечаю ту самую парадоксальную ситуацию, которая все время происходит: у нас законы механизма принимаются раньше, чем законы концептуальные. Это к вопросу о том, что мы не делаем планируемые стратегии, мы не выстраиваем, не берем механизмы под задачи, которые мы должны решать, а мы берем механизм, на него наращиваем ту концепцию, которую можно этими механизмами решить. Такое видение никуда не годится.

Не могу не сказать по поводу платных услуг, которые постоянно растут. Это было очень интересно в какой-то мере китайцам. Вы видите, платные услуги на душу населения в рублях. Посмотрите, во сколько они выросли: практически в пять раз. В пять раз с 2005 года – за 10 лет! Вы же сами понимаете, это то, что платится из нашего кармана.

[00:54:58]

Опасность вся в том, что здравоохранение – единственная из всех социальных сфер, где вы не можете полноценно оказать себе услугу сами. Вы даже выучиться можете сами, то есть вы можете стать обозванными людьми, как многие становились даже в тюрьме, когда они вдруг начинали заниматься и выходили оттуда, зная шесть языков. Здесь вы не можете сами себе сделать операцию на спине. Может быть, роботы вам помогут это сделать когда-нибудь.

Из зала: В пять раз выросли в коммерческой сфере?

Наталья Григорьева: Нет, это вообще выросли. Это структура внебюджетная. Это Министерство, у него управленческого механизма внутреннего очень мало. У него больше контролируемый и рекомендательный механизм: оно создает стандарт, оно рекомендует нормативы. Особенно четко это прозвучало в ситуации, когда возникли многие вопросы по поводу того, что руководители медицинских учреждений получали зарплаты в 20 раз больше чем сотрудники, которые там работают. Министерство сказал: «Мы ничего не можем с этим сделать. Мы можем только им рекомендовать, чтобы это было не больше, чем в восемь раз, а все остальное уже не в нашей власти».

Дореволюционная Россия не имела государственной системы здравоохранения, но тем не менее в рамках земской медицины и фабричной медицины были некие найденные

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

механизмы, которыми нам надо гордиться. Горжусь везде, где только могу, и с большим интересом с этому относятся. Советская модель, которую мы взяли и выбросили легко и свободно. Если бы у нас были британская система, то нам бы этого никто не позволил сделать. В России, в принципе, сильны именно в силу этих двух причин традиции бесплатной общественной медицины, а страховое начало мы трижды пытались ввести, но у нас оно как-то не идет. Надо посмотреть, что не так. Наверное, как все благоразумные люди, когда дома не получается вбить гвоздь, вы смотрите, в чем дело: в гвозде, в ваших усилиях. Я не знаю, в чем, но вы же смотрите. Вы же не будете тупо полстены сносить.

1990 годы были критическими для российского здравоохранения, и они имеют свои тяжелые социальные последствия. XXI век – это обострение всех проблем, изменение риторики, поэтому «как бы обратили внимание, как бы повернулись». Я могу выписать все выступления нашего лидера без здравоохранения. Буквально на днях мы опять будем говорить по поводу здравоохранения. У нас беда: мы вообще не смотрим альтернативные варианты. У нас альтернативный вариант – это как нечто плохое. Альтернативное у нас всегда со знаком минус. Альтернативное – это просто другое, просто иной вариант решения одной и той же задачи. Если бы мы более внимательно относились к альтернативам, которые предлагаются, мы бы нашли консенсусное решение, несмотря на всех политических игроков и клубок политических интересов в этой сфере, для того, чтобы найти наиболее оптимальные варианты.

В завершении. Книга, которую мы сделали, называется «Современное здравоохранение: политика, экономика, управление», и мы пытались все эти три сферы связать.

Ольга Александрова: Года три назад я буквально засыпала с этой книжкой, потому что как только появлялось время, я ее читала. Она действительно очень интересно и полезно написана.

Нашу Конференцию мы назвали «Пять лет реформы социальной сферы», но ей не 5 лет – ей 25 лет. Мы привязались к этим пяти годам, потому что самая фундаментальная трансформация социальной сферы началась с вступлением в полную силу закона № 83. Это случилось в 2012 году, а принят он был в 2010 году.

[00:59:57]

Когда я думала, как назвать, я назвала «Реформа социальной сферы, она спонтанная и непродуманная или целенаправленная и последовательная?» Очень многим и обычным потребителям социальных услуг, и даже работником социальной сферы реформа кажется спонтанной, непродуманной и противоречивой, а нас, как исследователям реформы социальной сферы, она видится, к сожалению, целенаправленной и последовательной. Вопрос только в том, что является целью реформ с точки зрения декларации, и кто ее интересанты?

Несколько лет назад у меня родилась метафора. Здесь присутствует Татьяна Степановна Федяева, которая вела тогда передачу «Народный интерес», и мы с ней неоднократно

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

обсуждали социальную политику. После того, как 83-й закон показал себя во всей красе, я говорила, что если в 1990 годы социальную сферу просто «не кормили»: это был дистрофик, которого потом «покорми», и он обретет с новой силой и сможет полноценно реализовывать свои функции, то реформы, которые идут в 2000 годах, особенно в 2010 годах, – это реформы, которые ломают позвоночник, проламывают череп с тем, чтобы уже было бы очень трудно этому организму восстановиться и полноценно выполнять свои социальные функции. При этом предлог, что денег нет, на который обычно ссылаются, он абсолютно неубедителен. В 90-х не было денег, но при этом перераспределялось национальное богатство. В 2000 годах делилась природная рента между своими внутри России и между Россией и зарубежными партнерами.

Помните, были нацпроекты: здравоохранение, образование, жилье и поддержка АПК? Это был совершенно политехнологический прием. Да, от него чуть-чуть досталось и социальной сфере, но должен был быть приемник, потому что в 2008 году были выборы нового президента, и нужно было из этого приемника сделать приятного населению Деда Мороза. Именно поэтому уважаемого Дмитрия Анатольевича переместили из глав Администрации президента в вице-преьера по социальной сфере, и он начал разъезжать по регионам и раздавать эти самые «новогодние подарки».

Какие были средства при этом? Это 2007 год – до кризиса 2008-2009 годов. Это были доходы, это расходы, это профицит, это типа лишние деньги. Это золотовалютные резервы. Ни один экономист не может понять, зачем резервы в таком масштабе. Это Стабфонд, приемником которого является нынешний резервный фонд, а это сумма на все нацпроекты вместе взятые: тут и образование, и здравоохранение. В телевизоре в разговорах был такой столбик, а суммарные были такие.

Сегодня еще легче резать по живому социальную сферу, потому что, как нам сказали: «Денег нет». На нескольких конференциях я уже называла свои выступления примерно так: ««Денег нет» как искусственный предлог для нового витка демонтажа социального государства». За неимением возможности своих аргументов, могу только отослать на сайт нашего института, где мы выкладываем полные тексты наших публикаций.

Сразу делаю отсылочку на такую книгу, которая вышла еще в 2011 году, до радикализации социальных реформ «Эволюция нормативной базы социальных реформ». Я отвечала за главу, посвященную образованию. Там просто видна попытка сделать платной четверть школьного образования: 1997 год – отбита Парламентом, 2001 год – отбита, 2004 год – отбита, 2007 – отбита. Причем заходы могут быть с разных сторон: это может быть обсуждение, принятие образовательных стандартов. Названия документов всегда красивые: «Об основных направлениях развития и образования», «О модернизации образования», но разными способами очень последовательно это было сделано.

Григорьева Наталья Сергеевна с уважаемой Татьяной Владимировной Чубаровой предупреждали, прописывали риски вступления в ВТО, но их не слышат.

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

[01:05:05]

Вот 83-й закон, 2010 год: вот что нам обещалось, вот что для этого делается. Были и оппоненты. Мы просто увидели, что идет страшная схватка, но она видна была только нам, потому что эта сфера нас интересует. Население этого даже не ожидало. Страшная схватка: во все инстанции пишут письма профсоюз работников образования, профсоюз работников здравоохранения. Если взять доклад ОЭСР Education at glance, например, 2013 года – то есть до всех внешних шоков, а они вообще дают данные 2010 года – Российская Федерация буквально в два раза меньше и по ППС, и в долях от ВВП финансировала все ступени образования.

Вот все, что оппоненты прогнозировали еще на этапе принятия, точнее «продавливания» этого закона, до его полноценного вступления в силу, и нам об этом говорили руководители учреждений образования и здравоохранения. Мы видим, что они прогнозировали. Почему? Потому что люди не какие-то ретрограды, а потому что они уже видели ни одну реформу, плюс не верили, что государство устранил основной корень проблем – неадекватное финансирование, и исходят не из того, сколько реально нужно, а из того, сколько не жалко дать населению, чтобы оно «не вякало». Но обратной связи никакой нет. Население было полностью не осведомлено об этой реформе и ее сути. Это исследование мы проводили еще в 2012 году, и уже тогда нам показывали жители Твери и Новосибирска, а это разные по экономическому благополучию города, что существенной части населения придется отказаться от части или полностью от платных услуг в случае существенного расширения платности.

Покажу, что сегодня происходит по всем ступеням образования, которые мы проходим. Мы идем по прямо противоположному направлению того, как идет мир. На примере дошкольного образования: мы радикально ограничиваем доступность дошкольной подготовки, у нас муниципальные детские сады переводятся исключительно в учреждения по присмотру и уходу. В законе об образовании не случайно исчезло слово «занятия» для дошкольной ступени, поэтому теперь всякие палочки и все, что нужно, – только за деньги. В это время Финляндия, которая и так показывает высокие результаты, вводит обязательность бесплатного дошкольного образования для детей с шести лет.

У нас все время вбрасывается какая-то красивая идея, которая потом на поверку оказывается чисто бухгалтерской операцией по сокращению расходов. Наши исследования тоже показывают, что то, как она внедряется, – это исключительно во вред и здоровым, и больным детям, одновременно рушится система подготовки кадров для работы в коррекционных учреждениях образования и так далее.

Сейчас я вам покажу одно противоречие. Если посмотреть, кто оказывается в выигрыше, то становится понятно, что не такое это противоречие. Другое дело, что в выигрыше оказывается не социум. С 2012 года в России регистрации подлежат все дети, родившиеся после 22 недель беременности и весящие от 500 грамм – это то, что называется экстремально низкой массой тела. Для того, чтобы такой ребенок выжил, необходимо

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

было построить крупные перинатальные центры, оснастить их зарубежным оборудованием, расходными материалами, лекарственными препаратами и так далее.

[01:09:58]

Не случайно один такой ребенок обходится очень даже дорого, но надо иметь в виду, что даже там, где очень продвинутая медицина, эти дети в перспективе имеют серьезные проблемы со здоровьем, причем чем на более маленьком сроке они рождены и выхожены, тем больше вероятность, что они будут иметь самого разного рода тяжелые патологии. Переходя на нашу почву, число недоношенных детей будет нарастать, потому что таковы вообще общемировые тенденции. У нас и так проводится оптимизация, что женщине с патологиями беременности не очень легко добраться до врача и так далее; проходит оптимизация внутри медицинских учреждений, когда врачу просто некогда внимательно посмотреть на больную; нынешние расценки: у нас так происходит по линии ОМС, что беременной занять койку – это 12 тысяч, а поставить нужный, ненужный шунт в кардиохирургии – это будут сотни тысяч, поэтому в одном случае будет гиподиагностика, а в другом – гипердиагностика.

Все одно с другим сходится. Допустим, женщина беременная сумела добраться до перинатального центра, там родился ребенок, врачи сумели сохранить ему жизнь, но дальше его ждет не очень простая судьба с точки зрения здоровья, а нередко и образования. Настроена ли социальная инфраструктура на оказание адекватной помощи таким детям? Мы действуем в прямо противоположном направлении. Во-первых, в медицине материнства и детства полным ходом идет такая же оптимизация, как во взрослой медицине, более того, педиатрическое звено, как я говорила, одной атакой в 2004 году отбили, в 2005 году отбили, в 2015 году – снова атака.

Из зала: А какой закон был принят с очередной атаки?

Ольга Александрова: Закон № 83-ФЗ.

(Технический разговор.)(01:12:03-01:14:01)

Ольга Александрова: Надежда Николаевна Федотова, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО.

Надежда Федотова: Если смотреть какие-то документы, которые пишутся по поводу социальных реформ в тех странах, где социальное государство сильно развито (например, северные страны, страны с социал-демократическим социальным государством, крупные: Швеция и прочие), то у них всегда есть забавное начало, с которого они начинают эти свои размышления. Размышления обычно связаны с тем, что они выделяют два-три компонента, на чем базируется их культура, которые они считают принципиально важными для того, чтобы показать идейный контекст, откуда они исходят при формулировании задач социальной политики.

[01:14:53]

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

Я навскидку поймала текст про голландцев, и голландцы пишут, – в текстах о социальном государстве обязательный фрагмент, обязательный абзац – что их культура характеризуется солидарностью и равенством, и исходя из этого они танцуют, проводят их социальную политику, пишут, и стараются этому следовать. Ни в одном нашем документе я ни разу не встретила, какого-то отсыла к тому, какие же мы и что же мы хотим с этим сделать. Конечно, мы сами понимаем, что мы прошли серьезный ценностный кризис, который был в 90-е годы, и до сих пор, даже если посмотреть по данным социологических исследований, крайне редко можно встретить описание в двух-трех словах некоторого нового ценностного консенсуса, какие же мы. Часто это разбивается на то, что социологи фиксируют наличие двух типов людей у нас в стране, что особенно любят прописывать социологи Института социологии РАН: у нас есть модернисты – это те, которые смотрят в будущее, за индивидуальную свободу, конкуренцию, меньшую зависимость от государства, собственные усилия; и традиционалисты – это в прошлом застрявшие, более пожилые люди, которые опираются на государство, ждут от него каких-то там решений. Других каких-то компонентов общности нет. После 2014 года речь пошла о некотором «крымском консенсусе», когда некоторые элементы солидарности среди тех, кто как бы ощутил то, что страна становится великой и прочие какие-то моменты. Это почувствовало достаточно большое число людей в нашей стране. В этом смысле о чем-то можно говорить, но опять же, солидарность и равенство среди них не фигурирует.

Если смотреть на условия, то у всех были такие идейные условия и макроэкономические условия примерно одинаковыми. В каком смысле? Все страны (и Россия, и Голландия, и Китай) в 90-е годы столкнулись с глобализацией, которая приводит к торжеству транснациональных корпораций, о чем мы уже тоже прекрасно слышали, и к тому, как Ульрих Бек говорил, что социальная политика в эпоху глобального капитализма уводит развитие экономики из-под национального государственного контроля, соответственно, прибыли уходят в ТНК и частные руки, а социальные последствия этого процесса: безработица, миграция, нищета, они как раз все концентрируются в системе национального государства, и это становится его зоной ответственности, то есть государство должно что-то делать с пустыми карманами.

В этом смысле глобализация оказала влияние на всех: и на американцев (феномен Трампа это показал), и в том числе на такие развитые социальные государства, особенно социал-демократического формата. Например, та же Швеция и скандинавские страны, у кого подушка социального государства была большой, тоже ощутили, что она бьет по рукам, по карманам, выбивает возможности реагировать. Это было у всех, и только Китай воспринял глобализацию как возможность модернизироваться и улучшить экономический рост, но он это смог сделать из-за того, что их социальные гарантии были минимальными, и их социальное государство вообще не существовало, поэтому они на это наплевали и обращали внимание только на экономический рост.

Получается, глобализация ударила по всем. Дальше, все указывают как на контекст на старение населения. У всех оно идет, все испытывают сложности. Голландцы ввели пенсионный возраст 67 лет, до того можно делать ранний уход на пенсию, что

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

сопровождается требованием к работодателю удерживать этих людей на рабочем месте, и после 60 лет если работодатель их удерживает, он получает освобождение от налогов. Это очень умная схема. У нас об этом даже не думают. Если повышать пенсионный возраст и люди не доживают, а это наш главный момент, но если люди доживут, то кто их будет держать? Работодатель у нас не горит желанием это делать.

[01:19:57]

Здесь они продумывают, исходя из чувства солидарности и равенства, некоторые необходимости таких новых шагов, просто потому что у них есть некоторая связанность в политике. У нас пропагандируется одно, в подтексте другое, а в действия вообще третье. Соответственно, это все очень тяжело. Глобализация и старение у всех универсальны, но одни реагируют так, что придумывают определенные меры, а одни реагируют сложно.

Кроме этого, был общий контекст у всех стран – уменьшение экономического роста. После мощных 70-х годов, когда социальное государство развивалось и цвело мощным цветом, и эта подушка увеличивалась, произошло снижение экономического роста. Это произошло как в России, так и в других странах, но у нас негативно наложились эти ценностные проблемы, кризисность переходного периода, и наша подушка просто стала минимальной. И после советского времени, когда она была небольшой, но по крайней мере средней, это становится достаточно странным. Если голландцы вынуждены, сохраняя солидарность и равенство, уходить от модели – у них была средняя модель между большой подушкой и средней – участия государства, главной задачей которой становится обеспечение занятости (не самой подушки, а подушки занятости), то у нас не совсем понятно, чем мы занимаемся.

Свое выступление я планировала назвать «Идейный контекст реформ 2012-2017 годов», но пришла к такому неутешительному выводу, что контекст реформ безыдейный, потому что во многих обстоятельствах совершенно непонятно, к чему же мы идем, каковы мы, какой образ России там впереди будет. Спасибо!

Аркадий Соловьев: Каждый выступающий подготовил мне дорожку. Я хотел бы поддержать и мысль Ольги Аркадьевны о том, что говорить о пяти годах уже поздно, потому что все произошло не в 2010 году или каком-то еще, а все произошло в 90-х годах, когда были приватизированы общественные фонды потребления, и когда исчезла финансовая основа для всех социальных функций государства. Тогда были подменены социальные функции государства на страховые, но прошло 25 лет, а у нас вообще нет никакой системы, в первую очередь в медицине. У нас занятость официально ликвидировала систему страхования и занятости. Есть только зачатки страховой системы в пенсионном фонде.

Мне понравилась важная мысль одного из докладчиков, что все функции государства делятся на социальные и экономические. В условиях рынка – да. Это действительно очень важно. Пенсия – главная социальная функция государства, потому что все, кто будет иметь счастье дожить до старости, в условиях рынка должны иметь социальные гарантии,

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

а поскольку финансовой основы для них нет – она исчезла 25 лет назад, то деньги на материальное обеспечение в старости нужно зарабатывать. Худо-бедно, но разными способами удалось удержать страховую систему.

[01:25:00]

А какой принцип страхования, баланс прав и обязательств? Он есть у нас в медицине? Какие там могут быть услуги? Это чистая схема перекачки государственных средств в страховые компании, на чем все и обрывается. Что, у каждого из вас есть страховой медицинский счет? Это элементарные вещи. Его нет. Вот говорим о страховании, но можно про него говорить сколько хотите, а финансовой основы нет. Мы говорим о пенсионной системе, и вот она в условиях рынка должны быть. Она не может быть социальной. Это страховая система экономического характера.

Сейчас, когда идет демагогия про возраст, работающих пенсионеров и всем остальном, – это приписывают к пенсии. Мы провозгласили страховую систему, и сделали ее на 90 %. Есть страховой тариф, достаточный для формирования пенсионных прав для нормальной материальной жизни. Где он? Половину тарифа отдали работодателям, он идет из общебюджетных налогов.

Вернусь к основной теме, которую хотел освятить. Я глубоко убежден, и это у меня давно обосновано, что пенсионная система не может быть. Если мы, к несчастью, остались в рынке, то к пенсии, кроме как к экономике, по-другому нельзя подходить. Не может быть никаких социальных гарантий в пенсиях, не должно быть. Страховая пенсия зарабатывается с первого дня. Однако здесь нельзя обманывать и лукавить. К чему я это говорю. Сейчас идет большая демагогия по поводу 22 на 22, 21 на 20. Каждый человек должен заработать себе пенсионные права, но для этого нужны условия. Условия, которые вне пенсионной системы. Пенсионная система – это производная от макроэкономики и демографии, 100-процентная производная. Какая демография? Мы знаем, на 100 лет вперед есть прогноз, и ничего с этим не сделаешь. Никакой материнский капитал тут не поможет, потому что цикл другой, и копеечная доплата ничего не дает для того, чтобы планировать далеко.

В принципе, в пенсионной системе есть все, и реформа правильная. Стратегия, которая у нас уже пятая, она тоже правильная. Там под каждым словом может расписаться любой, кто из вас читал, но я думаю, что никто не читал. Я вам советую почитать, потому что на Западе пенсионное воспитание начинается с ясельного возраста. У вас на входе раздают какие-то картинки для раскрашивания, а какие картинки дают там в детских садах: как получить зарплату, как заработать себе на пенсию. И это в пятилетнем возрасте. В школе начинают учить, как заработать себе пенсию. Мы не знаем даже законы. Кто из вас знает пенсионную формулу? Никто. Кто знает, сколько он получит? Никто, а это легко узнать. Я не знаю, врет ли калькулятор пенсионный, но это надо знать самому, а не полагать. Надо знать законы, а мы сидим и ждем, что батюшка нам подарит ручным управлением что-нибудь.

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

Что человек может заработать за 35 лет стажа, если у него пять раз за этот период поменялись условия формирования пенсионных прав? Тем более, если человек ничем не интересуется. Не хочет он знать. Он надеется, что ему папа подаст, бабушка подаст. Известный экономически деятель Мау объявляет о том, что пенсионная система вообще не нужная, а каждый должен заботиться о себе сам. Есть такая точка зрения, и может быть, она и правильная: пока человек сам не начинает думать, ничего не будет.

[01:29:58]

Что надо делать? Поскольку за нас все решили, что мы находимся в рынке, правда, поделили все 25 лет назад, мы располагаем только рабочей силой и больше ничего другого у нас нет, можем ее продать, если купят, то для этого надо зарабатывать. Для того, чтобы зарабатывать, нужна зарплата и занятость. Что показывает нам прогноз Минэкономики: ежегодное сокращение рабочих мест. Все должны вдариться в самозанятость, и при этом эта самозанятость, которая на практике является синонимом нищеты и сплошного социального и экономического риска, почему-то называется средним классом. Чем больше у нас самозанятых, считается, что больше у нас становится средний класс. Весь средний класс к 2035 году у нас останется без пенсии вообще, потому что у нас введены ограничения по количеству баллов и по продолжительности стажа. Это совершенно справедливо, потому что такая страховая система.

Спасение утопающих – это дело рук самих утопающих, а пенсия – это то, от чего никто не убежит. Те, кто убежит, то не по своей воле – это инвалидность и другие. Пенсия будет у все. Всех хотят думать, что они молодые и красивые, а на самом деле уже старые и больные. Пенсия все равно нужна. Еще раз говорю: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Все нужно обсуждать. Очень интересные были выступления, но они должны быть дискуссией. Со многими можно было бы поспорить, и было бы гораздо лучше.

Ольга Александрова: Уважаемый Аркадий Константинович, благодарю вас за выступление. Вы предварили наши слова. Мы поняли, что такая тема, когда есть столько вопросов столь важных и касающихся каждого, в том числе и будущего, наши Институт, и будем рады, если Институт экономики тоже присоединится, обязательно организуем такую большую содержательную конференцию именно по реформе социальной сферы. Поскольку люди пойдут работу, и зарабатывать или не зарабатывать там пенсию, они должны получить образование, я хотела бы предоставить слово Всеволоду Владимировичу Луховицкому, сопредседателю профсоюза «Учитель», который с точки зрения учителя расскажет, что такое реформа образования. Пожалуйста, Всеволод Владимирович.

Всеволод Луховицкий: Добрый день. Поскольку здесь было многое уже сказано, я прежде всего отнесусь к некоторым предыдущим высказываниям. Момент первый. Нам очень много говорят о том, что в образование у нас приходит рынок. Я могу сказать, что рынка у нас в образовании, во всяком случае в среднем образовании, нет вообще. Рынок предполагает разных участников, разные группы интересов. У нас имеется исключительно

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

государственные и муниципальные, что фактически одно и то же, школы. У нас совершенно задавлены и частное образование, и семейное образование, и любые попытки граждан наладить образование помимо одной единой системы.

Вместо рынка у нас идет то, что называется коммерциализация, но надо иметь в виду, что это не рыночные структуры предлагают нам, например, заплатить за подготовку ребенка к ЕГЭ. Это те же самые государственные структуры, которые создают при себе так называемую некоммерческую организацию, которая требует с наших родителей за то, что должна обеспечить и обычно школа. Это одно уточнение.

Второй момент. Я могу сразу ответить на вопрос, кому это все надо? Я повторяю, я говорю исключительно как учитель, и в данном случае выражаю мнение определенной части учителей. Безусловно, это не ошибка.

[01:35:55]

Вся политика, по крайней мере начиная с начала 2000 годов, была последовательной подготовкой принятия в 2012 году закона об образовании. Этот закон не установил какие-то новые нормы, а всего-навсего подкрепил законодательно то, что делалось примерно с 2005 года. Целей реформаторов, как выясняется, две. Они к ним шли, и они к ним вполне последовательно пришли.

Первая цель – это сделать образование абсолютно управляемым. Сейчас любой директор школы в 24 часа может расстаться со своим постом без объяснения причин. Сейчас любой руководитель любой образовательной организации значительно больше завит от управления образованием, чем в самые страшные, как это сейчас говорят, советские годы.

Вторая цель – это экономия. Она действительно достигнута. Увеличивается количество детей в классах, сняты, например, СанПиНы на количество детей в классах – теперь смотрят по объему помещения: есть большой актовый зал, можно набить туда 120 человек и учить их одновременно. Сокращаются все непедagogические кадры: в школах уже нет ни психологов, ни социальных работников, ни библиотекарей и так далее.

Цели этой реформы были, с точки зрения тех самых наемных работников – учителей, вполне достигнуты. Они были именно в том, чтобы, во-первых, школа стала абсолютно управляемая, во-вторых, минимально требовала финансирования. Сразу замечу, что это не российская специфика. По всему миру в связи с глобальным кризисом проходят те же самые реформы, только разница в одном: когда в Соединенных Штатах лет шесть назад, если не ошибаюсь, в Калифорнии захотел губернатор уменьшить финансирование образования, то тысячи учителей заняли губернаторский дворец, и это было остановлено; когда в Лондоне несколько лет назад собирались провести примерно такие же реформы, как у нас проводятся, на улицы Лондона вышли 10 тысяч учителей.

Здесь ссылались на опыт Скандинавии. Каждый год в июне месяце, перед очередным распределением бюджета в Парламенте норвежском, на один день все норвежские

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

учителя бастуют. Это элементарное напоминание власти, что надо хотя бы полпроцента повысить учителям зарплату.

[01:40:02]

Теперь несколько содержательных моментов. Во-первых, к чему привела идея услуг? Сразу встает вопрос: услуги кому? У нас потребитель услуг – ребенок и родители. Ни ребенок, ни родители в нашей системе влиять на управление школой не могут. Ни ребенок, ни родители никак не воздействуют на нынешнюю ситуацию в образовании. Вместо этого у нас произошла замечательная подмена, и она очень хорошо сформулирована в законе об образовании. У нас же федерация, у нас же демократия, а при федерации управляют всем регион и муниципалитет. И любой человек в Западной Европе, узнав, что школой управляет муниципалитет, радостно говорит: «Так это же замечательно! Значит люди, граждане этим управляют», в то время, как мы прекрасно знаем, что наши муниципалитеты – это те же самые чиновники, которые имеют одни интересы, никак не связанные с интересами родителей.

Последние примерно полгода власть постоянно дает такие красивые послы: «А вот давайте мы что-нибудь сделаем, и мы как-то это улучшим». И сменили министра, и сделали еще что-то, но до тех пор, пока не будет изменен принцип финансирования школы, а тот самый поддушевой принцип, который означает, что каждый регион может сам определить, какие именно нормативы он закладывает, а при этом ни в одном регионе на сайте правительства региона, например, информации, из чего складывается данный норматив. Как рассчитано, что в Москве 120 тысяч на ребенка в год? Кто и как это считал? До тех пор, пока не будет отменена так называемая новая система оплаты труда, которая построена на противопоставлении работников друг другу, и заставляет работников изображать соревнование, говорить о том, что что-то положительное в нашем образовании происходит, вообще не имеет смысла. Спасибо!

Ольга Александрова: Спасибо. В заключение хочу предоставить слово Токсанбаевой Майраш Сейтказыевне, доктору экономической наук, заведующей Лабораторией распределительных отношений Института социально-экономических проблем народонаселения. Она познакомит с нашими исследованиями.

Мараш Токсанбаева: Речь шла, в основном, о последних реформах в сфере образования и здравоохранения. Чуть позже эти же реформы затронули и сферу академической науки, то есть у нас тоже теперь главное – это оптимизация, бюрократизация. Главное, чтобы люди приносили внеплановые деньги, и еще публиковались во всяких высокорейтинговых изданиях. Возникает вопрос: а что вообще людей в этих условиях удерживает в сфере академической науки? Мы провели исследование методом опроса научных сотрудников в академических институтах. Работа проводилась по заказу ФАНО, и как выяснилось, хоть такая польза этой организации есть. Они на своем сайте вывесили анкету, обратились в институты, чтобы ее заполняли. Анкету сочиняли мы.

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

Прежде всего, важно, что людей привлекает. Здесь на рисунке показаны стороны работы, и даны цифры, сколько респондентов оценили эту работу как важную.

[01:44:55]

К высокорейтинговым сторонам относятся те стороны, оценка важности респондентами у которых выше 90 %. Это важно для научного труда, как труда, связанного с творческим поиском, дающим возможности проявить способности. Ценность высокая и хорошего коллектива, потому что научный труд уже давно удел не одиночек, а это работа коллективная. И стабильность работы. Она важна потому, что при стабильных условиях происходит накопление компетенции. И высокий рейтинг важности имеет и оплата труда, но в основном в связи с тем, что она совершенно не соответствует сложности работы. Эти высокорейтинговые стороны работы мы рассмотрели по возрасту: их значимость превышает 90 %, то есть они являются действительно существенными сторонами.

Некоторое удивление вызывает то, что наличие современного оборудования немножко не дотянуло до 90 %. Мы проверили по направлениям науки: в естественных научных направлениях гораздо больше 90 % важность этой стороны, чем у гуманитариев и представителей общественных наук. Эту сторону работу мы тоже сочли высокорейтинговой.

Возможность профессионального роста тоже не дошла до 90 %. Казалось бы, в науке большая значимость этого момента. Мы рассмотрели эту сторону работы, оценку ее, по возрасту. До рубежа 40-45 лет важность превышает 90 % а дальше начинает убывать. Их этого следует, что цикл накопления человеческого капитала, профессиональных компетенций идет примерно до 50 лет. В среднем по России этот пик достигается в интервале 30-34 года. Это показывает, как важна стабильность работы в возрасте, но она важна и у людей постарше, хотя для них это уже не так важно, потому что этого пика они уже достигли.

Далее мы рассмотрели, а насколько этими высокорейтинговыми сторонами работы люди удовлетворены. Во-первых, около 84 % научных сотрудников работой удовлетворены. Естественно, идет вариация по возрасту. Самый неудовлетворенные – это перспективные кадры до 30 лет, и в этом смысле пока надежды на то, что научный труд будет так активно привлекать молодежь, не оправдываются.

По высокорейтинговым сторонам удовлетворенность распределилась совершенно иначе. Свыше 90 % набрала только одна сторона работы – свободный график, но она не отмечена как очень важная, потому что пока эту свободу не очень затронули, и ее воспринимают респонденты как нечто естественное. Высокий рейтинг у творческого поискового характера работы и хорошего коллектива. Далее, уже гораздо ниже – возможность проявить способности, потому что падает качество исследований, и стабильность работы. Вот начались эти игры с оптимизацией численности, и это сразу на оценках удовлетворенности сказалось. Еще ниже – возможности роста

30 марта, Зал Е-834, Е-834 №08. КОНФ «Пять лет реформе социальной сферы: итоги»

профессионального, потому что к этому добавляется ограниченность возможностей повышения его путем разных курсов, тренингов, семинаров и так далее.

[01:50:04]

Мы, конечно, еще спросили у респондентов, что нужно сделать для того, чтобы повысить удовлетворенность работой. Ответили больше 70 % респондентов, а объем их ответов – больше 10 печатных листов. Безусловно, на первом месте – это оплата труда, потому что 70 % респондентов уверены, что оплата не соответствует сложности выполняемой работы, еще современное оборудование, реактивы и так далее. Главная вещь, отмеченная большинством респондентов, – это то, что наука не востребована. Нет в ней нужды как в инвестициях, и соответственно, можно проводить над ней всевозможные эксперименты. Спасибо за внимание.

Ольга Александрова: Спасибо. Вывод нашего исследования такой, что, как и в сугубо социальной сфере, так и в науке, люди, там работающие, говорят, что они не понимают, какие у государства цели. Те цели, которые укладываются в голове, в действии не просматриваются на достижение их.

[01:51:29] (Конец записи)